

И тут в мой разум грянул блеск с высот, неся свершенье всех его усилий.
Здесь изнемог высокий духа взлет, но страсть и воля мне уже стремилась,
Как если колесу дать ровный ход, любовь, что движет солнце и светило.

«Божественная комедия» (Рай. Песня XXXIII)

Перевод М. Лозинского. Журнал «Ленинград», 1945. № 1-2

«Цитата не есть выписка – цитата есть цикада, ей свойственна неумолкаемость». Эта меткая, неотразимая, короткая и бьющая прямо наотмашь, резкая фраза – приказ с резким тире посередине – словно победный выпад рапиры на турнире фехтовальщиков – принадлежит Осипу Мандельштаму (его «Разговор о Данте»). В ней поэт дает классическое определение роли и значению цитаты в любом тексте. Будь то критическая статья, пространное эссе или простое письмо на почтовой бумаге. Однако, именно эта вот **неумолкаемость** (как будирующая, тревожная нота) почти всегда исчезает из того или иного текста по простой и вполне объяснимой причине: автор вскользь лишь подкрепляет цитатой свою личную оригинальную точку. И тогда судьба цитаты – всего лишь тень, претендующая на глухую сноску в примечаниях. Очень и очень немногим удаётся обратное, когда цитата – есть основа всего текста. Но тут от автора требуется особый талант, эрудиция и... смирение. Вот именно на такой классический образец **неумолкаемости** цитаты я натолкнулся недавно, вычитав фрагмент письма Михаила Лозинского к своему старшему брату Григорию из голодного холодного Петрограда 1918 года в Хельсинки... И подивился – насколько она, написанная сто лет назад, современна, своевременна и нетленна для времени, когда бывает не на кого опереться (как ныне у нас)...

Вот судите сами и оглянитесь вокруг себя: *«... Конечно, жить в России очень тяжело, во многих отношениях. Особенно сейчас, когда всё увеличивается систематическое удушение мысли. Но пока хватает сил, дезертировать нельзя. В отдельности влияние каждого культурного человека на окружающую жизнь может казаться очень скромным и не оправдывающим приносимой им жертвы. Но как только один из таких немногих покидает Россию, видишь, какой огромный и невосполнимый он этим приносит ей ущерб; каждый уходящий подрывает дело сохранения культуры; а её надо сберечь во что бы то ни стало. Если все разойдется, в России наступит тьма, и культуру ей придётся вновь принимать из рук иностранцев. <...> Надо оставаться на своём посту. Это наша историческая миссия...»*

Да! Такова сила цитаты взятой нами из частного письма, которая слово в слово неумолкаемо звучит и призывает нас – спустя целый век, тютелька в тютельку – к действию. Книг на все лады пруд-пруди, прилавки ломаются от глянца, но мракобесие и фамильярность правит бал и служит на потребу не взыскующей правды публике. Книга – как непреложный источник воспитания чувств и

уважения к человеческой личности утрачивает свою великую миссию, и болезнь эта, словно захваченная вирусом ходульности и сиюминутности, становится всё более – неизлечимой.

Тревога... не чувствовать её невозможно. Почему, как и что случилось с нами – и тогда (в 1918) и сейчас – кто ведаёт? Надо оставаться на посту!!! И поэтому я считаю необходимым прикоснуться к личности этого незаурядного и в высшей степени культурного человека – Михаила Лозинского – и поведать читателям – что послужило поводом обратиться к его эпистолярному наследию.

Все просто и не совсем, нас всех (по Блоку) «подстерегает случай». Так он подстерёг и меня. Со всем недавно, торопясь в гости к своему другу художнику Алексею Штерну, я застал себя стоящим как вкопанный у дома 73-75 по Каменостровскому проспекту, где жил и творил с 1917 года Михаил Леонидович Лозинский. Дом не дом, скорее вычурным фасадом своим более похож на огромный профессорский книжный шкаф-буфет, набитый до отказа Брокгаузом и Ляруссом ... Чтобы заглянуть в окна квартиры Лозинского на 3 этаже пришлось высоко задрать голову – под самую крышу, к холодному петербургскому солнцу.

Таким вот «шкапом» я этот дом-буфет и воспринимал ранее. Но убедился воочию, когда волею судеб литературного старателя в середине 70-х годов попал в кабинет Лозинского, где был гостем его сына, математика Сергея Михайловича, свято оберегающего архив и библиотеку отца. Меня привела туда история одного редкого перевода на русский язык «Новой жизни» Данте, принадлежащей «некоей» Марии Ливеровской, опубликованной в 1918 году в военной Самаре и отпечатанной в типографии 8-й Армии Восточного Фронта. При белых. Тайна на тайне – вот хлеб старателя. По началу я обратился к Игорю Федоровичу Белзе – воистину самому авторитетному на тот момент жизни учёному и знатоку творчества Данте, а он прямиком, как говорится – отфутболил меня к Сергею Михайловичу Лозинскому, зная что Михаил Леонидович собирал все издания и переиздания произведений Данте на русском и на всех европейских языках и сам не раз обращался к Михаилу Леонидовичу за помощью. И вот тогда мне посчастливилось не только прикоснуться к этим пузатым шкафам со словарями *in folio*, к рукописям и письмам, но и сидеть в кресле Лозинского за письменным столом с тысячью заманчивых ящичков и полочек ...

И вот так стою у ограды, мысленно вспоминая себя в этом доме, мычу что-то своё, перечитываю текст на памятной доске на фасаде. Но, видимо, получилось как-то громко, и тут, откуда не возьмись, появился прохожий господин с авоськой, приостановился, явно приняв меня за зеваку или за безумца. И я поспешил ретироваться. А вернувшись домой, в почтовом ящике нашёл любезное приглашение в Публичку, в родной Рукописный отдел, на выставку в честь Михаила Лозинского и издательства «Всемирная литература». Вот так совпало. И, как у меня водится, получив приглашение коллег, я всегда принимаюсь копать в своей старательской картотеке «на заданную тему», дабы поделиться с ними чем-то необычным в приватной беседе (вот всегда мне хочется заявить о себе, такой уж я человек... И – вот эврика! Из одной таких тетрадок выпал листочек с переписанной мной от руки корявым почерком этой вот неумолкаемой цитатой 1918 года. Перечитал её, перепечатал и наутро побежал в библиотеку к организаторам выставки, как раз накануне открытия. Там приняли с благодарностью, и теперь, до закрытия выставки, всяк может тот текст увидеть и перечесть в витрине. Я счастлив...

Михаил Леонидович Лозинский родился в Гатчине под Петербургом, на даче, на макушке лета 1886 года... Но сразу по окончании дачного сезона семья вернулась в город. Гимназистом Миша Лозинский жил с родителями на Надеждинской; приват-доцентом Михаил Леонидович (1914) перебрался на Малый Проспект Петроградской стороны; однако, будучи в 1912-1913 годах редактором и издателем поэтических сборников под названием «Гиперборей» (великолепное урочище чёртовой дюжины поэтов, объявивших себя акмеистами, надо сказать ввек неповторимого феномена мировой и нашей отечественной культуры) снял квартиру в Волховском переулке у Тучкова моста (дом 2, бельэтаж, балкон ...), где каждую битую пятницу он принимал авторов, критиков, газетчиков и кредиторов (вот ещё один адрес для поэтической карты Петербурга – Петрограда, вот бы радость была, если б отметили как-то наши топонимисты) А в 1917 году по осени М.Л. поселился на Каменостровском, где и «кончил жизнь» в 1955 году... До конца жизни он остался истинным и преданным петербуржцем, его певцом и поэтом, с юных лет постигнув его пушкинскую стройность и мистическую тайнопись белых ночей. Как-то на несколько вальяжный вопрос Блока: «Кто Вы?» Лозинский ответил: «Я – петербуржец!»

Юрист и филолог, поэт и издатель, Михаил Леонидович Лозинский обладал неприкосновенностью – на него не строчили пародий. Даже дружеских (только остроумнейший Н.П. Акимов однаж-

ды «позволит» себе карикатуру на Лозинского, вызвавшую у него, как мне рассказывал лично Никита Алексеевич Толстой, зять М.Л., необыкновенный восторг и смущение); все это были лишь то торжественные, то – признательные строки и шуточные посвящения. Но всех превзошла Анна Андреевна Ахматова, посвятив Михаилу Лозинскому целых шесть своих стихотворений, шесть жемчужин, шесть жестов, шесть сердечных откровений... Последнее датируется 1940 годом... Их дружба была взаимно-притягательной, весёлой, творческой. Лозинский был «поверенным лицом» Анны Андреевны с 1911 года, с самых первых лет её замужества за Гумилевым – и до самых страшных лет замалчивания и отлучения, выпавших на её долю в послевоенные годы. Брезгливо пренебрегая всем этим, он терпеливо учил её искусству перевода, настойчиво переписывался, посещал её дом, принимал у себя, помогал всем, чем мог. *«Дорогая Анна Андреевна, не осудите мою попытку найти хоть какие-нибудь пятна на солнце. Вы сами поручили мне эту астрономическую задачу. Кое-где я, вероятно, «пережал». Это значит, что от яркого потемнело в глазах. Вашей лучезарности защитатный астроном М.Л. 3 ноября 1952 года».* Музыковед и искусствовед – переводчик Абрам Акимович Гозенпуд рассказывал мне, что Лозинский был «рыцарем» Ахматовой, вернувшим этому слову первоначальный смысл. А выдающаяся ленинградская актриса и превосходная переводчица Елена Владимировна Юнгер считала Лозинского самым интеллигентным человеком в Петербурге, заметив при этом, что Михаил Леонидович умел сочетать в себе одном строгость с необыкновенно тонким и изысканным чувством юмора, что в его присутствии было невозможно быть глупым, мямлить, путаться в мыслях. Все шло ему – и клетчатый пиджак дэнди, и монокль, и трость, и строгий костюм. Никто, кроме Лозинского, не умел так находить правильный тон с любимым собеседником – от дворника до чиновника из заправил «культурного фронта».

Но венцом жизни Михаила Леонидовича был его перевод «Божественной Комедии». 1945 год. Январь-февраль. Ещё идёт война, ещё гибнут люди, но смертельная, горькая, высокая и так желанная всему миру победа над коварным врагом человечества – близка, как никогда... Готов к победе и Ленинград. Стало лучше снабжение, заработали театры, научные институты, заводы, Консерватория и Университет готовятся к весенней сессии. В свои, брошенные на произвол судьбы жилища возвращаются горожане, понемногу налаживается их быт, люди радуются первым признакам новой весны, щурятся, глядя на солнце, не боясь более бомбёжек и воя сирен... Вернулся из далёкой Елабуги в родной Ленинград поэт-орденоносец Михаил Лозинский... В его скромном багаже – законченная рукопись перевода «Божественной Комедии», все Дантовы кантики, объёмом в 14 233 русских стиха. А вскоре в витринах «Книжной Лавки Писателей» что на Невском проспекте (и по сей день она живёхонька на том же месте) появился свежий номер литературно-художественного журнала «Ленинград» с фрагментами двух песен из «Божественной комедии» (Рай. Песни XXVII и XXXIII). Этой скромной публикацией дано было открыть более чем полувековой путь всех трёх кантик Данте, а Михаилу Леонидовичу Лозинскому – уважение и признательность всего русскоязычного читающего мира...

И вот – главное! Послушайте и прочитайте, какими словами Лозинский открывает свой перевод: *«Божественная комедия»* *цельна, едина и закончена в своей великолепной стройности. И в то же время она необычайно сложна, но тем и замечательно искусство Данте, что разнороднейшие струи он умеет слить в сплошной поток, неуклонно несущийся к устью. Внутренняя сложность поэмы связана со сложностью творческих побуждений, которые призвали поэта к его великому труду и дали ему силы его довершить... Да все это так, бесспорно. Но в такой же мере это – книга о нём самом. Среди мировых памятников поэзии, – продолжает Михаил Леонидович, – вряд ли есть другой, в котором так резко отпечатался бы образ его творца».*

И я смею утверждать, что те высокие слова, обращённые Лозинским к Данте, можно смело отнести и к нему самому. Ибо Михаил Леонидович сумел в самую тревожную эпоху доносительства и уничтожения интеллигенции – подобно мраку, постигшему и Италию времен Данте – остаться лично безупречным, сохранить внутреннюю свободу, порядочность, ум и обаяние, наводящих самим своим присутствием бессилие, страх и уныние на власть предержавших...

Довольно часто в наше время недалёкие люди от литературы и политики для красного словца приводят гнусную выписку из ленинской речи или частного письма, где он обзывает интеллигенцию бранным и скабрёзным словом... Так вот, одно только существование (присутствие !!!) в нашу эпоху личности Михаила Леонидовича Лозинского даёт мне возможность и право перефразировать горьковского Сагина и сказать: «Интеллигент – это звучит гордо»...